

ОЛЬГА ПУСТОШИНСКАЯ

Перстень
С ЧЁРНЫМ
АГАТОМ

Ольга Пустошинская

Перстень с чёрным агатом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66687522

SelfPub; 2023

Аннотация

Действие происходит в наши дни. Студент Игорь Макаркин предлагает своему другу Глебу заработать, уверяя, что дел на пару дней, а деньги платят приличные. Всего-то требуется отыскать зарытый перстень возле одного заброшенного дома. Глеб соглашается, не выпытывая подробностей, и потом сильно жалеет об этом: выясняется, что Игорь обманул его. Ложь Макаркина приводит друзей к жутким последствиям, справиться с которыми будет нелегко.

Содержание

Глава 1. Работа на пару дней	8
Глава 2. В Берёзовке	15
Глава 3. Друг мой Игорь	25
Глава 4. Артефакт	35
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ольга Пустошинская

Перстень с чёрным агатом

Старуха Мельникова, которой было под девяносто лет, за-
немогла и как-то враз обезножела. Лежала на узкой кровати,
дождалась смерти, сложив на груди худые руки со старинным
кольцом на пальце. Дочь Анна то и дело подходила, вглядывалась в серое лицо с заострившимся носом, слушала едва различимое дыхание.

В ворота часто стучали, и тогда она с ворчанием спешила во двор, приоткрывала калитку и неласково спрашивала гостей:

– Уходите, болеет мать, не принимает никого.

Старуха с трудом поднимала веки:

– Кто там, Анка?

– Нет никого. Назад отправила... после придут, как по-
правишься.

– После... – эхом повторяла Мельникова, – не будет после.
Смерть не обманешь.

Однажды она подозвала Анну, указала на табурет рядом с кроватью: сядь. Долго молчала, собираясь с силами, потом стянула с пальца перстень.

– Анка... прими.

Та испуганно охнула, затрясла головой:

– Нет-нет, я не могу... боюсь.

– Не хо-очешь... – простионала старуха. – Неволить не стану... Помни, что говорила: кольцо не продавай, хоть какие деньги предлагать будут.

– Я знаю... помню.

– Сделай, как условились.

– Всё сделаю, мама.

Старуха долго смотрела на закатное солнце, заливающее мягким светом комнату, слабая улыбка тронула белые губы.

– Хорошо... Летом и умирать хорошо... не замёрзну в своей домовине.

Она сомкнула веки и будто уснула, а в ночь умерла.

В доме Мельниковых собрались родственники близкие и дальние, приходили люди проститься с покойной. Тот человек появился к вечеру, вошёл в распахнутую дверь и окинул цепким взглядом комнату. На двух деревянных табуретах стоял тёмный гроб, горели свечи, пахло воском и ладаном.

Незнакомец перекрестился, постоял, понутив голову, потом наклонился и поцеловал покойницу в белый лоб. Пробормотав соболезнования, справился о похоронах и замолчал, сложив на пухлом животе руки. Хоть молодой – и сорока нету, – а уже рыхлый и с лысиной, череп вон блестит. Анна ждала, когда он уйдёт, но скорбящий уходить, похоже, не собирался.

– Кхе-кхе, – откашлялся он, – замечательная женщина была Клавдия Фёдоровна... Я хорошо знал её.

– Её многие знали, многим помогла.

– Я Николай.

– А-а-а... – протянула Анна. Имя ничего ей не говорило.

Лысый дождался, когда сын Анки выйдет во двор и вкравчиво продолжил:

– Был у вашей мамы перстенёк старинный... серебряный, с чёрным камнем.

– Да, она его почти не снимала.

Оба посмотрели на руки покойницы.

– Где он теперь? Я бы купил, – помедлив, сказал Николай, – люблю всякие антикварные штуки. Назовите цену, мы договоримся.

Анна через силу улыбнулась, поправила чёрную головную повязку:

– Это уникальный перстень, уникальный. Мама очень беспокоилась, что он попадёт не в те руки.

– Помилуйте, какие не те руки? Могу заверить, что я не бандит и не вор, а самый обычный че...

– Мама очень беспокоилась, – повторила Анна, – поэтому передала кольцо мне.

Николай задохнулся, как будто получил под дых, вытаращил глаза, ставшие похожими на серые стекляшки.

– А теперь уходите, время позднее.

Она взяла гостя под локоток и мягко, но решительно повела к выходу. Лысый, красный от злости, тихо выругался, уселся в большую чёрную машину и резко взял с места, под-

няв в воздух клубы пыли.

Глава 1. Работа на пару дней

В тот день мы с Игорьком Макаркиным сидели в летнем кафе, потягивали холодную кока-колу через соломинку и ждали, когда официантка принесёт пиццу с мясом и грибами. Настроение было отличным: сессия благополучно сдана, закончилась нервотрёпка и зубрёжка – можно расслабиться.

– Слушай, ты заработать хочешь? – неожиданно спросил Игорь, провожая взглядом девушку в коротеньких джинсовых шортах. – Хорошие деньги платят, а дел на пару дней.

Я посмотрел на его худое лицо с тёмными глазами-щёлочками и рассмеялся:

– Когда ты так говоришь, лучше отказаться сразу. Больше я в твои авантюры впутываться не хочу.

– Глеб, ты чего? Какие авантюры? – Макаркин сделал вид, что обиделся.

– Такие! Забыл, как мы чуть в полицию не попали?

– Ну не попали же. И вообще, кто старое помянет... Дай глазик!

– Отстань, Макарыч.

– Да ты спроси сначала, сколько платят. Сказать?

– Ну.

Он наклонился к самому уху и шёпотом назвал сумму.

Я вытаращил глаза:

– Ого! Это за что столько? Убить кого-то?

– Ага, – усмехнулся Игорь и стянул с головы бейсболку, обнажив тёмный ёжик волос. – Знаешь что-нибудь о чёрных копателях?

– Которые патроны и оружие ищут? Ну знаю.

– Всякие ценности, не только патроны. Надо найти один перстень. Вот, посмотри. – Он вытащил из кармана смартфон и показал снимок.

– Старинный, что ли? – спросил я, возвращая другу телефон. Серебряный перстень с чёрным круглым камнем и узорами из веточек на ободке был не столько красив, сколько оригинален.

Игорёк промолчал, потому что подошла официантка с пиццей на круглой деревянной дощечке. Он дождался, когда девушка оставит заказ и уйдёт, потом сказал:

– Это артефакт, принадлежал раньше какому-то купцу. Ценности, по слухам, зарыты возле одного заброшенного дома. Там не только кольцо, наверняка золотые монеты и разные женские цацки. Кольцо надо отдать, остальное – наше.

Макаркин стал рассказывать, что есть человек, которому позарез нужен этот перстень. Он даёт координаты и задаток (двадцать процентов). Мы едем в одну деревню, находим перстень и получаем остальную сумму. Всё очень легко и просто.

«Если всё так просто, то почему тот человек сам не откопает кольцо?» – подумал я, и приятель, будто перехватив мысль, тут же сказал:

– Сам не может, какие-то обстоятельства.

Я ещё колебался, но Игорь сообщил, что уже согласился и получил на карту задаток, отказаться теперь нельзя. И попросил меня помочь.

– А ты его видел? Ну... этого... заказчика, – поинтересовался я и взял второй кусок пищи.

– Не видел. Его зовут Николай, мы переписывались в интернете. Но деньги-то реальные на карту пришли. Половина твоя, прямо сейчас и переведу. Ну что, согласен?

– Да погоди, дай подумать...

Жалею, что не надавил тогда Игоря, не узнал подробностей, иначе отказался бы сразу и его отговорил. Если б знать...

– А у тебя металлоискатель есть? Как будем клад искать? Игорь как будто смутился.

– У меня нет, но могу одолжить. – И, считая вопрос решённым, добавил: – Завтра и поедем на твоей машине, а бензин пополам.

Ехать предстояло в одну небольшую деревню, Берёзовку, от нашего города до неё было пятьсот километров. Весь вечер я возился с машиной: мыл окна, менял масло, накачивал шины. Отец, конечно, заметил эти приготовления.

– Ты куда собрался?

– К тётке Игоря на Солёнку, дня на два или три.

Солёнка – это солёное озеро. У него имелось официальное название, которое сразу же выветривалось из головы. А вот

Солёнка прижилось ещё с тех пор, как лет затопило соляной карьер и появилось густое от соли озеро.

Ну наврал, дурак я... а что было делать? Сказать про кольцо и копателей нельзя: отец бы начал отговаривать и стращать неприятностями, а Солёнка никаких вопросов не вызвала.

В багажнике лежали стянутые скотчем лопаты и небольшой металлоискатель.

– Пользы от него не будет, – лениво обронил Игорь, развалившись на переднем пассажирском сиденье, – слишком слабый. Да я и так знаю, где копать.

– Зачем тогда взял?

– Да ты пристал как банный лист с этим детектором. – Он вытянул худые ноги и вдруг расстегнул ремень безопасности.

– Слушай, Макаркин, не выделывайся, пристегнись. Тебе жить надоело или штраф хочется платить? Здесь через каждые сто метров ДПС.

Друг отмахнулся:

– Да ладно...

– Пристегнись, говорю, или высажу, – предупредил я.

Игорь, ворча под нос, защёлкнул замок ремня:

– Ну ты и зануда, Глебыч!

Я промолчал. Игорёк хороший парень, но иногда ему уда-

ряла моча в голову, хорошо, что это случилось редко. И вот опять он пристал:

– Обгони, чего ты плетёшься за этой фурой?

– Нельзя, дороги не видно. И вообще, кто водитель: я или ты?

Игорь покосился, но промолчал. Вытащил из сумки бутылку воды, отпил прямо из горлышка, немного повозился и притих – задремал. Прошёл час или полтора, и дорога стала оживлённее. На обочине по правую сторону всё чаще попадались люди с намалёванными от руки картонками: «Жильё недорого» – явный признак того, что близко Солёнка.

Игорь пошевелился, поморгал и огляделся по сторонам:

– О, до тёткиного города доехали. Давай свернём к озеру и искупаемся!

– Разве мы не торопимся? – удивился я. – Хочешь копать в темноте?

– Ну фонарь я взял. И лучше будет, если мы приедем в Берёзовку вечером. Не надо, чтобы местные пялились.

– Ты же говорил – дом заброшен и стоит в стороне.

– Нет, всё равно лучше не маячить, – возразил Игорь, – махнём?

В этом был какой-то резон, и я согласился.

К тётке мы заезжать не стали. Она бы обрадовалась, конечно, начала собирать на стол, нажарила бы сковородку картошки, порезала салатик из помидоров и огурцов, в своём саду выращенных, но тогда мы не то что к вечеру, к ночи

бы в Берёзовку не попадём – так сказал Макаркин.

Я отыскал свободное место и припарковал «пежо» у железной ограды. В выходные, говорят, очереди здесь огромны, но сегодня был понедельник, и возле касс стояло всего несколько человек. Мы прихватили сумки с пляжными принадлежностями, которые пришлось взять согласно легенде, купили билеты и прошли за турникет.

Несколько лет назад я был на озере с родителями, за это время здесь ничего не изменилось: магазинчики и палатки с полотенцами, панамами, одеждой и шлёпанцами, резиновые мячи и надувные круги гроздьями, многочисленные кафешки, где прямо на улице готовили в огромных котлах плов и мясо; полураздетые люди с пятнами соли на коже, душ с ледяной водой, батуты для детей – всё осталось прежним.

Мы миновали галдящую толпу и вышли к озеру. Свободных лежаков и зонтиков не было видно, мы бросили сумки прямо на белый от соли песок, скинули одежду и осторожно, чтобы брызги не попали в глаза, вошли в воду. Она оказалась очень тёплой и густой от соли, и у меня сразу же засаднила царапина на ноге. Над поверхностью озера торчали как поплавки людские головы. Кто-то релаксировал, раскинувшись звёздочкой, кто-то полулежал, как в кресле, едва шевеля руками. Я окунулся и поплыл, вода выталкивала, не давала погрузиться полностью. Так утонуть невозможно, если ты в сознании, конечно. Не понимаю, зачем люди тащат на пляж надувные круги?

...Тело покрылось белым соляным налётом, кожу стянуло. Игорь сразу надел рубашку, чтобы не обгореть, и кивнул в сторону озера с лечебной грязью:

– Глянь, чумазые, как черти.

Отдыхающие за свои кровные хотели получить все положенные блага. Мазались с головы до ног жирной, чёрной, пахнувшей солью и йодом грязью, становясь похожими на негров; набирали жигу в баночки и пластиковые бутылки. Выносить её не разрешалось, но где администрации уследить за всеми!

Мы ещё немного посидели, съели по горячему чебуреку и пошли к выходу. Пора ехать, а то и до утра не доберёмся.

Глава 2. В Берёзовке

В Берёзовку мы приехали к вечеру, когда стемнело.

– Останови здесь, – велел Игорь и указал на кладбищенскую ограду.

Я выключил мотор, вышел наружу и с недоумением огляделся: никаких домов рядом не было. Ни заброшенных, ни жилых – никаких. Людей тоже.

– А где дом? – спросил я.

– Сейчас увидишь, – буркнул Игорь, – открой багажник, лопаты возьму.

К моему удивлению, приятель толкнул калитку ограды и уверенным шагом направился по гравийной дорожке в глубину кладбища. Я прихватил металлоискатель и двинулся следом, почему-то стараясь ступать как можно тише. Темнели кресты и памятники на фоне угасающего неба, стояла тишина, нарушаемая только хрустом гравия под нашими ногами. Я вдруг подумал, что ещё ни разу не был на кладбище так поздно. Не то чтобы боялся (в призраков и ходячих мертвецов я не верил), но было жутковато.

Игорь шёл вперёд, иногда бросая взгляд в телефон, светившийся в темноте ярким прямоугольником, как будто сверялся с картой. Неожиданно он остановился у какой-то могилы, посветил смартфоном табличку на толстом деревянном кресте.

«Мельникова Клавдия Фёдоровна», — успел прочесть я. Дата смерти — июнь этого года, всего месяц назад.

— Пришли, — сказал Макаркин и положил лопаты на землю.

— В каком смысле «пришли»? — вытаращил глаза я. — А где дом?

Игорь криво улыбнулся и похлопал ладонью по кресту.

— Вот он, дом. А что, не так разве? Последнее пристанище.

Я всё ещё не понимал. Подумал, что приятель шутит, что сейчас рассмеётся, согнётся пополам: «Здорово провёл? Ну и рожа у тебя!», но Игорь и не думал шутить. Он отбросил ногой искусственные венки и бумажную тарелочку с печеньем, сложенные на земляном холмике, зажёл фонарь и огляделся по сторонам.

— Глеб, пойми правильно, ну не мог я сказать, что придётся раскапывать могилу, ты бы не поехал. А один я не справлюсь.

У меня отвисла челюсть.

— Погоди... кольцо в могиле прикопано?

— Да... то есть не прикопано, оно в гробу.

Худое лицо Игоря, голубоватое от света фонаря, было смущённым, взгляд вилял в сторону.

— Что?! Ты серьёзно сейчас говоришь? — оторопел я. — Оно в гробу?.. Ты хочешь сказать, что собираешься раскопать могилу, открыть гроб и взять у покойницы перстень?!

Не настолько же Игорь спятил, чтобы осквернить захоро-

нение неизвестной усопшей Мельниковой, этого просто не может быть.

– За это хорошо платят, забыл? – зло вскинулся тот. – Любишь ты всё усложнять.

...«Любишь ты всё усложнять», – сказал Макаркин и сунул за пазуху бутылку ликёра. Нам было по шестнадцать лет – самое время попробовать горячительных напитков.

– Здесь же камеры! – схватил я приятеля за рукав.

– Толку от камер, если запись не смотрят, – ухмыльнулся Игорь и кивнул в сторону пустого кресла охранника. – Деньги есть, я бы купил, да не продают. Идём!

Он с независимым видом направился к кассе, взял со стойки шоколадный батончик и положил на ленту.

– Всё? – подняла глаза продавщица.

– Всё.

– А в куртке что?

– Ничего.

– Бутылку доставай.

Игорь понял, что попался, и рванул к выходу, я метнулся за приятелем. За спиной слышались крики и шлёпанье резиновых тапок. Продавщица нас не догнала, к счастью. Отделались мы в тот раз лёгким испугом, но сейчас-то дело куда серьёзнее украденной бутылки.

– Ты дурак... Нет, я всё ещё не могу поверить. Реально хочешь раскопать могилу? – повторил я.

– Да! Да! Реально раскопать! – разозлился Макаркин. –

Ну что тут такого, работы на пару часов, зато нормальные деньги. Не ссы, всё будет пучком. Вдвоём быстро управимся, бери лопату, ну?

– Да пошёл ты! – заорал я, и плевать, что кто-то мог услышать. – Это уголовное дело, не знал? За это в тюрьму сажают!

Обмануть меня, притащить в такую даль и нести ахиною, что ничего ужасного в раскапывании могилы нет. Кретин! Злой, с дрожащими руками, я схватил бесполезный металлоискатель и быстро зашагал, почти побежал к выходу.

– Ты куда? Глеб, стой! Ты что, решил меня бросить?

Игорь испугался: в его голосе уже не было бравады и напора, появились истерические нотки. Что-то стукнуло, позади захрустел гравий – это приятель (или уже бывший приятель?) догонял меня. Схватил за плечо и резко повернул, да так, что я едва не упал.

– Не тронь, получишь в морду! – вскипел я.

– Глеб, ты уезжаешь? Бросаешь меня вот так?

– А по мне видно, что я устраиваюсь на ночлег? Конечно уезжаю. А ты можешь оставаться и хоть всё кладбище перекопать.

– Да подожди ты!

Остановиться я не мог. Открыл машину, сунул металлоискатель в багажник и завёл мотор. Свет фар выхватил из темноты фигуру Игоря с поникшими плечами.

– Ну и катись! Без тебе обойдусь! – крикнул он с отчаянием.

Я открыл пассажирскую дверь:

– Садись, и мы забудем эту историю.

– Я не могу, понимаешь, не могу! Заказчик пригрозил неприятностями!

– А неприятностей из-за вандализма ты не боишься?

Макаркин стал горячо доказывать, что никто не узнает, но я не захотел слушать. Громко хлопнул дверью, как точку в споре поставил, и тронул машину с места. Вырулил на дорогу и не смог удержаться, обернулся: Игорь брёл назад, на кладбище. И пусть, его дело.

Я вцепился в руль, как будто хотел раздавить его, ехал по пустому шоссе и вслух костерил Макаркина. Какой гадёныш, втянул меня в такую кошмарную историю!

Два километра от Берёзовки, три километра, пять... Чем дальше я уезжал, тем сквернее становилось на душе, хотя казалось, что противнее уже некуда. Остановился у обочины и долго сидел, не выключая мотора, всё думал, думал... и повернул обратно.

– Глеб, ты? – Игорь застыл сусликом у раскопанной могилы, испуганно всматриваясь в темноту. Шум мотора он, наверно, не услышал.

– Нет, покойник, – мрачно ответил я, злясь на себя за минутную слабость.

Поднял валяющуюся на земле лопату и буркнул:

– Имей в виду: помогу только с земляными работами, остальное ты сам.

Земля была мягкой, и Игорь успел выкопать приличную яму. Крест лежал неподалёку, глянцевито поблёскивала табличка от света фонаря. Я подсчитал, что Мельникова Клавдия скончалась на девяносто первом году жизни.

– Игорёха, давай начистоту. Что это за кольцо? Вдруг его вообще нет в могиле?

Приятель, не отрываясь от работы, стал рассказывать, что про кольцо заказчик много не говорил. Скинул фото, упомянул, что это артефакт – ценная вещь. Наследники почему-то не захотели оставить себе перстень, с ним и похоронили – это Николай точно знает из достоверного источника.

– А как он тебя нашёл?

– Есть у меня один приятель, – нехотя сказал Игорь, – ну как приятель... так... общались раньше. Это он посоветовал.

– Я всегда знал, что ты с головой не дружишь, но чтобы настолько! И этот Николай сто пудов из психушки сбежал.

Игорь выпрямился, вытер вспотевший лоб:

– Он узнал, что бабка умерла, и поехал к её дочери. Просил продать кольцо, по-хорошему просил, а она не согласилась. Ни себе ни людям, я считаю.

Я подумал, что этот незнакомый Николай самая настоящая скотина: сам не стал заниматься эксгумацией, чистеньким захотел остаться. Не при делах как бы. Тьфу!

Работали молча. Игорь – спокойно, будто перекапывал грядки на даче, а я с озлоблением втыкал лопату и отбрасывал глину по обе стороны могилы. Сухая земляная пыль щекотала нос, лезла в глаза. Время от времени я поглядывал по сторонам, очень боялся, что нас застукают. Макаркин успокаивал: кладбище старое, хоронят здесь очень редко. И днём людей не бывает, ночью – тем более.

Лопата стукнула о дерево, Игорь перевёл дух: наконец-то! Я вдруг понял, что практически стою на крышке гроба, и поспешил выбраться из ямы. Присел, устало вытер грязное лицо краем майки.

– Гвоздодёр дай, – донеслось снизу, – он в рюкзаке.

Я отыскал гвоздодёр, подал не глядя:

– Возьми.

– Слушай, поддержи фонарь, а то не видно ничего. Не надо помогать, просто посвети, это ведь ты можешь?

Скрепя сердце я взял фонарь. Не хотел смотреть, но почему-то не отводил глаз от тёмного гроба. Игорь ловко орудовал инструментом, как будто всю жизнь гвозди из гробов вытаскивал.

– Готово, – сказал он и шумно выдохнул. – Открываю.

Мне было страшно, ему наверняка тоже.

– Погоди, может, не будем...

Игорь так посмотрел, что отговаривать пропала охота. Он взялся за крышку гроба, под которой оказалась какая-то накидка, прикрывающая тело. Я хотел отвернуться, но продол-

жал смотреть. Ожидал вони, смрада, трупного запаха – и не дождался. А ведь он должен быть, потому что месяц прошёл. В памяти всплыли какие-то статьи и передачи, в которых говорилось о проблеме кладбищ: тела перестали разлагаться из-за обилия консервантов в еде. Выкапывают покойника через тридцать лет, а он как огурчик.

– Лицо открывать не буду, вдруг ещё сниться начнёт, – сказал Игорь сильным голосом. – Опустит фонарь ниже.

Он отвёл в стороны складки ткани (его просто колотило), показались сложенные на груди крупные серовато-бледные кисти рук. На среднем пальце тускло поблёскивал перстень, тот самый, с чёрным камнем.

– Перчатки дай... там, в рюкзаке. И телефон... заснять надо.

– Спятил?

– Ничего не спятил. Как доказательство сохраню на всякий случай.

Я подал резиновые жёлтые перчатки, в которых моют посуду, Игорь надел их и после секундного колебания решительно потянул кольцо, придерживая руку покойницы. Перстень не поддавался.

«А если не снимется?» – запаниковал я.

– Не снимается, чёрт, палец распух, – пропыхтел Макаркин. – Придётся резать... Глеб, дай нож.

– Что? С ума сошёл?! – Я мгновенно взмок под рубашкой. За спиной почудились шорохи, казалось, что чей-то взгляд

буравит мне затылок.

– Тогда помоги, чего время тянешь.

Я спустился в яму, бормоча проклятья. Второй пары перчаток Макаркин не припас, и ради гигиены пришлось обхватить запястье покойницы через накидку. Игорь крепко сжал перстень и дёрнул. От рывка сбилась ткань, накрывающая лицо усопшей, я вскрикнул и зажмурился: на меня уставились два мёртвых тусклых глаза на изрытом морщинами лице.

– Она смотрит!

– Тише ты, чего орёшь? Кто смотрит?

Тёмные веки покойной были плотно закрыты. Показалось...

– Всё равно не снимается. – Игорь скривился, сплюнул. – Вылезай и подай нож.

...Через несколько минут я вытянул Макаркина из ямы. Он показал перстень на ладони, удовлетворённо улыбнулся:

– Всё окей. Палец назад приставил, как и было.

Мы торопливо закидали яму землёй, не тратя время на разговоры, установили на место деревянный крест и постарались привести могилу в прежнее состояние.

Стало светать. Игорь погасил фонарь и придиричиво осмотрел холмик, поправил его лопатой. Дело было сделано, он успокоился и повеселел. Сорвал несколько стебельков каких-то синих полевых цветов, растущих у дороги, воткнул возле венков.

– Прости, если можешь, Клавдия Фёдоровна.

Глава 3. Друг мой Игорь

Макаркин надел кольцо на палец и удивился:

– Думал, что мало будет, а оно как влитое. Что за камень, ты не знаешь?

– Агат, наверно... тебе идёт, – покосился я. Перстень сделал его руку красивой, даже изящной.

– Голова чего-то трещит, – поморщился Игорь. Прицелился камерой, щёлкнул несколько раз и отправил кому-то снимки.

Телефон зазвонил почти сразу, и друг ответил, довольно улыбаясь и предвкушая похвалу:

– Задание выполнено, шеф!

На том конце разразились руганью:

– Болван! Немедленно сними кольцо! У него должен быть один хозяин!

«Шеф» так орал, что мне было прекрасно слышно каждое слово.

– Да ладно, ладно... – Макаркин стянул перстень, убрал в карман рубашки и застегнул на пуговку. – Снял, не волнуйтесь.

– Как всё прошло? Вас никто не видел? – немного успокоился Николай.

– Нормально управились. Никто не видел, здесь безлюдно, как в пустыне.

– Не задерживайся, одна нога здесь, другая там. Кольцом не свети и на лапу не надевай. Жду.

Игорь покраснел и сбросил звонок.

– Раскомандовался... Подождёшь, не пожар. – Зевнул, широко раскрыв рот, и добавил: – Спать охота! Глеб, давай отдохнём немного, а?

Я согласился, потому что тоже устал. Всё тело ныло, и разболелась голова. Свернул с трассы в лесок, выбрал тенистое местечко. Игорь решил лечь под соснами, уверяя, что на воздухе сон слаще. Расстелил на опавшей хвое старое покрывало из багажника, а я расположился в машине, открыв ради прохлады окна. Не помню, как уснул. Вроде только глаза закрыл – и провалился в темноту.

...Я снова раскапываю могилу, отбрасываю землю и глину в сторону; тёмный массивный крест возвышается надо мной растопыркой. С овальной фотографии на меня смотрит молодая Клавдия Фёдоровна. Подобранные сзади тёмные волосы, полные губы, голубые глаза, брошка приколата у воротника под горлом – Мельникова когда-то была красавицей.

Чёрный ворон сидит на кресте, косит любопытным взглядом.

– Кыш! Пошёл вон! – намахиваюсь я.

Ворон каркает, разевая клюв, но не улетает. Пёс с тобой, сиди.

Вот и гроб... Я вытаскиваю гвозди и снимаю крышку. Почему-то совсем не страшно, а просто любопытно.

Она и в самом деле очень красива. Бледное тонкое лицо, венчик каких-то цветочков на голове, белое платье до щиколоток, наверняка свадебное. Очень жаль, умерла такой молодой. Оборвалась жизнь... почему, зачем? Как же это несправедливо! Тонкие руки сложены на груди, и перстень с тёмным камнем блестит на пальце.

Я осторожно беру руку покойницы, удивляясь, какая она мягкая, будто у живой. Снять кольцо – пара пустяков, вот оно у меня на ладони, тяжёленькое, тёплое.

– Ой, плохо, плохо, Глебушка! Что наделали-то, что наделали...

От неожиданности я шарахаюсь в сторону и через пелену тумана вижу, что в гробу сидит Клавдия.

– Беда будет, отдай кольцо Анке.

Я заорал и проснулся в поту, сердце колотилось как отбойный молоток: ух-ух-ух... Сколько же мы спали? Протёр глаза, нашарил телефон. Было почти двенадцать часов. Во рту сухо, язык как наждачная бумага. Я отпил несколько глотков воды из бутылки и выбрался наружу.

– Игорь, подъём!

На сбившемся покрывале лежала сосновая шишка, а вот Игоря не было. Я не удивился: он мог отойти по нужде, мне и самому надо, кстати. Прошло минут десять или пятнадцать, а Макаркин всё не появлялся.

– Игорь, ты где?!

Я насторожился, ожидая, что сейчас мелькнёт между

стволов клетчатая рубашка и раздадутся мягкие шаги, но ничего не уловил, кроме щебета птиц и гула машин с трассы. Достал смартфон и набрал номер Игоря (тот почти не расставался с гаджетом) и с разочарованием услышал знакомый звонок: всё-таки иногда расставался!

– Ну Макаркин, получишь ты у меня!

Час или больше я блуждал по лесополосе, всматривался в землю, стараясь разглядеть следы кроссовок, но ничего, конечно, не видел. Неожиданно подумал, что Игорь заблудился. Бред – где тут блуждать? Кричал, аукал, как дурак, испачкал мокасины в чьём-то дерьме, долго очищал подошву о траву и матерился. Хотел выкинуть с досады, но пожалел – дорогие!

– Иго-о-орь! Кончай свои шутки! – закричал в отчаянии. Приятель не отзывался.

Я выбрался на шоссе, пересёк дорогу с риском для жизни. Вдруг Макаркин перешёл на другую сторону. Зачем? Да кто его знает.

Часы показывали половину третьего. Я вернулся к машине, надеясь, что друг уже там, стоит и недоумевает, почему «пежо» закрыт и куда делся я. Но, к разочарованию, Игоря на нашей стоянке не было.

И тут блеснула мысль...

– Сашка, привет! Слушай, нужна помощь. Позвони матери Игорька и выясни, где он. Не вернулся ли домой... Только не напугай, скажи, что его телефон недоступен... Потом

объясню. Давай, перезвони после.

Несколько минут я ждал, нервничая и покусывая губу, наконец Сашка позвонил.

– Глеб, его нет дома. Уехал с тобой к тётке. Что случилось?

– Мы остановились отдохнуть, он куда-то ушёл и пропал. Два часа уже.

– Игорёк есть Игорёк, пора привыкнуть, – рассмеялся Саша.

– А мне что делать?

– Ну не знаю... подожди ещё. Не вернётся – в полицию заяви.

– Ладно, подумаю. Пока.

Хотелось есть и пить. В рюкзаке ещё остались помятые бутерброды, яйца, огурцы и пачка печенья. Я съел огурец, разрезав его пополам и круто посолив, расколупал яйцо. Полез в машину за термосом с остывшим чаем и в этот момент увидел мелькнувшую клетчатую рубашку. Макаркин!

– Ты где был, скотина?! – заорал я.

– А что? – натурально удивился Игорь. – Сколько времени?

– Я тебя убью, Макарыч. Три часа ищу его, болвана, а он залетает такой с мороза: «Сколько времени?» До фига времени!

– Не кричи, – примирительно сказал Игорь и полез в машину. – Поехали.

Я с ворчанием сел на водительское место, покосился на приятеля и снова увидел кольцо на его пальце. Вот дурак, сказали же не надевать.

– Зачем нацепил?

Макаркин полюбовался перстнем и как-то нехорошо усмехнулся:

– Разрешения спрашивать должен? Обойдётся. На чужом горбу в рай...

Я уставился на друга во все глаза и не узнал его. Внешне это был тот же Игорь, но лицо стало жёстким, чужим. Губы сжаты в нитку, глаза потемнели, и взгляд какой-то не его, злой взгляд.

– Ты же хотел заработать, – изумился я.

Макаркин фыркнул.

– Деньги сегодня есть, а завтра их нет. А это... – сжал он пальцы в кулак, – это сила и власть. Я не дурак, чтобы упустить.

У меня мурашки по спине побежали. Слабо верилось, что Николай махнёт рукой и откажется от артефакта. Да он просто отберёт силой, если перстень имеет ценность.

Я вырулили на трассу и спокойно сказал:

– Не собираешься отдавать кольцо? Но почему, что в нём такого особенного?

Игорь внимательно на меня посмотрел, раздумывая. Откинулся на спинку кресла и вытянул худые ноги.

– Поехали к тётке, она ждёт. – Он немного помолчал и

лениво добавил: — Я не скажу про кольцо, вдруг отнять захочешь. И тогда мне придётся тебя убить. Жалко будет — друг всё-таки.

— Шутки у тебя дебилские, — оторопел я.

— А это не шутки, — зевнул Макаркин. — Я посплю, ладно? Разбуди, как в город приедем.

— Ты всегда был с придурью, а сейчас спятил окончательно.

Игорь что-то промышчал и тут же уснул, будто отключился.

Ну вот и всё, конец дружбе. Взять бы да и посадить его, пусть на своих двоих добирается! Я представил, как торможу у обочины, открываю дверь и вытаскиваю сонного Игоря из кресла. И уезжаю, несмотря на возмущение и, может быть, угрозы. И в самом деле остановился и вышел наружу. Долго смотрел на пролетающие мимо машины, старался успокоиться. Да, у Игоря срывает башню иногда, но он не подлый и не злой.

Я покосился через стекло на спящего приятеля и побрёл на своё место. Ещё несколько минут назад мне была противна мысль ехать куда-то с Игорем, а сейчас решил не торопиться домой, выяснить, что случилось с Макаркиным и что такого особенного в кольце Клавдии Мельниковой.

— Я вас во времянке поселю, — сказала тётя Надя, круг-

ленькая невысокая женщина.

Мы послушно шагали за ней через огород к выкрашенному голубой краской домику в два окна – времянке.

– Раньше как делали, – объясняла хозяйка, – получали земельный участок и строили небольшое жильё, а потом возводили большой дом. После времянку не ломали – жалко ведь. Да и зачем ломать? То родня в гости нагрянет, то солёнщики живут.

– Кто? – заинтересовался я.

– Отдыхающие, курортники. Мы их солёнщиками зовём. – Тётя Надя открыла ключиком замок и распахнула дверь. – Заходите. Тут прохладно и чисто, недавно прибирали. Постельное сейчас дам.

– Супер, тёть, спасибо. Мы пару деньков поживём, – весело ответил Игорь и повесил рюкзак на металлическую вешалку.

Я осмотрелся. Узкая прихожая, один конец которой упирался в кухню, другой вёл в просторную комнату, обставленную старой мебелью. У стен притулились две железные кровати с трубчатыми спинками и старый шкаф, из которого тётя Надя достала простыни и наволочки.

Игорь вёл себя как обычно, шутил и болтал, рассказывал небылицы и призывал меня в свидетели, как будто ничего не случилось.

Тётя Надя она ушла готовить обед, а приятель подвинул к себе расшатанный стул, сел, широко расставив ноги, и спро-

сил:

– Чего невесёлый?

Я не ответил, потому что был занят: пытался втиснуть подушку в узкую наволочку.

– Всё нормально, не хандри. Денег от Николая не будет, конечно, но я тебе заплачу. Ты ведь пострадать не должен, правильно?

– Отстань, Макаркин, – огрызнулся я, – мне твои деньги не нужны, да их у тебя и нету.

– Будут.

– Откуда?

– Какая тебе разница? Сказал же, что отдам... Ты злишься, я вижу. Прости, что втянул в это.

У Игоря запищал мобильник, который он всё время вертел в руках, я успел заметить, что звонит Николай. Макаркин секунду-другую смотрел на экран, о чём-то раздумывая, потом сбросил звонок и поставил беззвучный режим.

– Не хочешь разговаривать? – спросил я. – Почему?

– Да пошёл он! – отмахнулся Игорь. – Прикинь, этот крендель меня тоже обманул: соврал, что бабка в склепе похоронена, а про могилу только за день до отъезда сообщил. Я наехал, что не было такого уговора, а он угрожать стал.

– Ничего бы Николай тебе не сделал. Надо было деньги вернуть и не отвечать на звонки. А где ты ходил?.. Ну когда я спал в машине.

– Да нигде... так... гулял.

Он врал, я не сомневался, но не стал приставать с расспросами. Наверно, опасался в глубине души, что взгляд приятеля снова станет колючим, что он опять скажет что-нибудь такое, отчего мне придётся сразу уехать. А сейчас бросать Игоря нельзя: он в беде, я это чувствовал.

Глава 4. Артефакт

Тётя Надя поставила на стол кастрюлю с голубцами, большую миску салата из помидоров с колечками лука и перца, порезала большими ломтями хлеб.

– Солёнщиков не пускаешь в этом году? – спросил Игорь и подцепил вилкой голубец.

– На кой они мне?хлопотно, да и не хочу, мне хватает. А соседи держат солёнщиков, да... Комнаты сдают, вон Черкасовы второй этаж надстроили. Раньше коров держали, а сейчас солёнщиков! – пошутила тётя Надя.

– А вы сами ходите на озеро?

– Я не хожу. Брезгую, грязное оно стало. Удивляюсь, как другим денег на это не жалко.

Я вспомнил рекламные буклеты с длинным списком недугов, которые помогает вылечить солёная озёрная вода, как будто она волшебная. С аппетитом ел голубцы, они были очень вкусными, с чесночком и перцем, и салат, щедро сдобренный домашней сметаной. Разговор за столом пошёл о родственниках Игоря: как там мать с отцом, как сестра поживает и что поделывает. Слушал я в пол-уха и всё поглядывал на кровать, где каждые несколько минут тихо вибрировал телефон Макаркина.

Я думал, что не усну, но провалился в дрему почти сразу, как только прилёг на прохладную постель, ненавязчиво пахнущую лавандой и мятой, наверно, тётя Надя перекладывала бельё подушечками для ароматизации. Проснулся от резкого хриплого звука и быстро сел в кровати. Кукушка отсчитывала время: ку-ку, ку-ку! Тьфу, зараза, разбудила. Тётя Игорья вечером из вежливости предложила остановить часы, но мы отказались – не неженки.

Я взбил подушку и снова лёг, но сон пропал начисто, ни в одном глазу. Повертелся, стараясь найти удобное положение, панцирная сетка громко скрипнула. Замерев, покосился на белеющую в темноте постель Игоря и увидел отброшенный плед. Макаркин мог выйти в туалет, пойти к тётке в большой дом или просто стоять на крыльце. Да мне всё равно, не в лесу потерялся, чего искать.

Перевернулся на другой бок и уснул.

– Ну ты спишь! Одиннадцать часов!

Игорь, одетый в чистую майку и шорты, сидел на краю постели, вертя по привычке телефон в руках.

– Как одиннадцать? Темно же, – пробормотал я и потянулся за смартфоном.

– Тётя ставни закрыла, чтобы солнце тебя не разбудило, вот и темно.

– А ты куда уходил?

– Умываться. Там летний душ в огороде, вода холодная, но всё равно классная – бодрит.

– Я ночью просыпался несколько раз – тебя не было, – вспомнил я.

– Приснилось, – усмехнулся Макаркин. – Никуда я не уходил, спал как младенец, даже кукушку не слышал.

– Хватит врать. Хочешь сказать, что у меня галлюцинации?

– Почему сразу галлюцинации, говорю же – приснилось. Ничего не приснилось, я был уверен, но сделал вид, что согласился.

– Идём завтракать. Тётя Надя в доме стол накрыла, – сказал Игорь и вышел в прихожую.

Я услышал, как коротко звякнул телефон, раздалось тихое «алло» и тут же трубка взорвалась руганью: «Ты где, сука?! Какого... мне мозги..! Где шляешься?! Я велел немедленно возвращаться, а ты... что ты вытворяешь?!» Игорь молча слушал и, видимо, выключил телефон, потому что стало тихо. И вот новый звонок.

– Ты что себе позволяешь?! – взревел Николай.

– Успокойся уже, а то отвечать перестану, – процедил

Игорь. – Скажи спасибо, что вообще трубку взял... Навестил тётку... что, нельзя? Алиби хоть какое-то. Сам-то не стал могилу копать!

Куда делся тот бодрый и немного заискивающий тон, которым Игорь разговаривал с заказчиком ещё день назад. Сейчас это был голос уверенного в себе, сильного человека, и Николай это почувствовал, а может, побоялся лишиться перстня. Он что-то сказал, но уже тихо, я не услышал что.

– Завтра приеду. Да, сразу к тебе, – пообещал Макаркин и нажал отбой.

Наверно, приятель передумал, решил отдать перстень и получить деньги. Или что-то ещё затеял? Посмотрим, посмотрим...

– Красоточка! – восхищённо причмокнул Игорь, вытирая бумажной салфеткой жирные от чебурека руки. – Надо с ней познакомиться.

Я проследил за его взглядом и увидел брюнетку с фигурой нимфы в голубом купальнике. Она стояла у кромки воды, чуть расставив загорелые ноги. На смуглой спине девушки пудрой проступал белый соляной налёт.

– Познакомься, – усмехнулся я.

Ясное дело, красавица отошлёт Макаркина ещё на подлёте, не успеет тот сказать «привет». Нимфам почему-то не

нравятся парни вроде моего приятеля.

Игорь машинально крутил перстень на пальце, не сводя глаз с девушки, и она интуитивно почувствовала, будто взгляд прожигал ей кожу. Медленно повернула голову, обнаружила развалившегося на лежаке Макаркина и посмотрела оценивающе, чуть прищурившись, а потом перевела взор на меня. Я перестал дышать. Это была самая симпатичная девчонка, которую я встречал, даже красивее однокурсницы Риты Соловьёвой.

Нимфа слегка улыбнулась, передёрнула плечами и тут же забыла о нас; собрала волосы заколкой и неторопливо вошла в воду. Мы с Макаркиным следили за ней с восхищением. Жаль, я не поэт, не могу красиво описать эту грацию, эти маленькие ноги, осторожно ступающие по белому от соли песку, эти тонкие руки...

– И я искупнусь! – решительно сказал Игорь, снял перстень и сунул под лежащую на песке одежду. Сделал он это автоматически, не глядя, потому что смотрел на озеро, боялся упустить из виду девушку.

Я впился глазами в тощую фигуру Макаркина. Вот он подходит к брюнетке, которая забрела в воду по пояс, что-то говорит, жестикулируя. Мне представилось, как нимфа окатит Игоря презрением, как искривятся в усмешке её губы, как она бросит короткую колючую фразу и отвернётся. И бедный приятель останется стоять дурак дураком.

Но случилось странное: девушка смотрела на Макаркина

с благосклонной улыбкой. Я присвистнул: ну и дела! И тут вспомнил о кольце. Осторожно приподнял Игореву рубашку и увидел тускло блеснувший перстень с прилипшими песчинками, зажал его в ладони. Приятель был слишком увлечён приятной беседой и не смотрел в мою сторону.

Что же особенного в этом кольце? Я повертел его, рассматривая чёрный камень, будто глаз, не смог удержаться и примерил. В голове зашумело – так накатывают и с шелестом уползают обратно морские волны; перед глазами надувались и лопались радужные мыльные пузыри, краски стали ярче, как будто кто-то перенастроил на максимум опцию «цвет». Я заморгал, не узнавая блёклый пейзаж. В уши хлынули звуки: обрывки чужого разговора, плач, женский смех и навязчивая мелодия какой-то модной песни.

И я испугался – ну а кто бы не испугался на моём месте: ничего не принимал, а словил галлюцинацию! – зажмурился, закрыл лицо ладонями. Постепенно утих шум в голове, смолкла какофония. Я осторожно приоткрыл глаза, посмотрел сквозь ресницы на озеро с торчащими головами купающихся, на противоположный берег, где капризничал и приплясывал на месте чей-то ребёнок в красной панаме и таких же трусиках.

– Ма-а-ам, мне жарко, пошли домо-о-ой... – заныл прямо в ухо мальчишеский голос.

Я с недоумением огляделся: детей поблизости не было.

– Ну ма-а-ам...

Да кто же это, неужели тот мальчишка на другом берегу? Не успел подумать, как перед глазами появился как бы большой экран, на котором крупным планом возникла детская плаксивая рожица под красной панамкой.

Перевёл взгляд на Макаркина с брюнеткой. Несмотря на то, что я был здорово испуган, всё же заметил поразительную перемену в настроении нимфы. Видел её милое лицо так близко, как будто девушка стояла в шаге от меня. Она недовольно хмурилась, отвечала коротко и невпопад, покусывала нижнюю алую губу. По всему было видно, что Игорь ей надоел.

– Знаешь, я не смогу пойти с тобой вечером, – слышался голос, – прости, что обнадёжила. Мы отдыхаем компанией... сам понимаешь.

У Макаркина отвисла челюсть.

– Но почему? Ведь ты сначала согласилась... Что случилось?

Брюнетка равнодушно пожала плечом:

– Ничего не случилось. Мне пора!

– Подожди...

Та остановилась, задумалась на секунду и мягко сказала:

– Ты хороший парень, но не в моём вкусе. Извини.

– А какие же в твоём вкусе? – мрачно поинтересовался Макаркин.

Красавица не ответила. Окунулась в воду и поплыла, даже не оглянувшись на бедного Игоря.

Я опомнился и сдёрнул перстень, сунул его под рубашку, и в ту же секунду мир стал прежним. Поблёкли краски, исчез «экран», я больше не слышал голосов с другого берега. Галлюцинации пропали. Неужели дело в кольце? Снова надел перстень, чтобы проверить догадку, и услышал голос нимфы. Она со смехом рассказывала подругам про Игоря и про то, что чуть было не согласилась пойти с ним в кафе, но потом передумала, конечно. Не нужны ей никакие Игори.

Вернулся Макаркин тяжело опустился на лежак, сгорбил-ся.

– Ну как, познакомился? – невинно спросил я.

– Конечно. Её Катей зовут.

– Номер телефона дала?

– Даст ещё... – проворчал Игорь и потянулся за рубашкой. – Пойдём домой, что ли?

Он вдруг увидел свою руку без кольца и запаниковал. Побледнел, глаза стали круглыми, как пятирублёвые монеты. Я искоса наблюдал, как приятель перетряхивает одежду, судорожно ощупывает карманы.

– Игорь, ты чего? – спросил я, надеюсь, естественным тоном.

– Перстень... – пробормотал Макаркин и побежал к озеру.

Он ползал на четвереньках по берегу, перекапывая руками мокрый песок, шарил в мутной воде. Похоже, Игорь совсем не помнил, как снял кольцо, и это хорошо: меня в во-

ровстве подозревать не будет.

...«Нашедшего серебряный перстень с агатом ожидает вознаграждение...»

Игорь не пожадничал: пообещал пять тысяч тому, кто вернёт пропажу. Среди отдыхающих произошло оживление: все стали смотреть под ноги, просеивать меж пальцев песок. Чем чёрт не шутит, вдруг повезёт?

Мы с Игорем несколько часов провели в воде, ощупывая дно. Я тихо радовался, что Макаркин неглубоко зашёл в озеро, когда разговаривал с Катей, даже плавки не замочил – не пришлось нырять. Приятель искал тщательно, на совесть, а я только имитировал: чего стараться, перстня в воде нет. А Макаркину, надеюсь, не придёт в голову счастливая идея немного раскопать песок возле тех чахлых кустов неподалёку.

Стемнело, и охрана начала вежливо выпроваживать отдыхающих с пляжа. Мы с Игорем побрели к выходу и вскоре оказались на улице среди весёлой толпы. В курортном городке бурлила жизнь: яркими огоньками светились вывески кафе, гремела музыка, в воздухе витали запахи жареного мяса, пряностей и сдобной выпечки.

Игорь хмурился и молчал, не поднимал глаз от припорошённого песком асфальта. Миллионы лет назад здесь был

океан, интересное это ощущение – идти по дну океана. Вдруг прямо под ногами распластались скелеты каких-нибудь ихтиозавров, плезиозавров и прочих завров?

– Пришёл маленький пушной зверёк, – сказал Макаркин, когда мы свернули в тихий переулочек к тёткиному дому.

– Что? – не понял я.

– Песец мне, говорю, – с досадой пояснил Игорь. – Николай не поверит, что я потерял перстень.

Мне стало не по себе: Николая я как-то совсем упустил из виду.

– Но ты не хотел отдавать кольцо.

– Не хотел, раньше не хотел. Эта Мельникова была ведьмой, и перстень тоже не простой – в нём огромная сила. Будь он у меня, проблема решилась бы по щелчку.

– Как?

Макаркин ответил быстро, не задумываясь:

– Например, заказчик умрёт внезапно. А что, все люди смертны... Сердечный приступ, кирпич упадёт на голову, или случится небольшая авария со смертельным исходом. Ты просто хочешь, чтобы человек не досаждал, а перстень решает проблему.

Вот как! Если меня и мучили сомнения, то после этих слов они испарились.

– Видел, как эта шлюшка на пляже вертела передо мной хвостом? – спросил Макаркин.

– Почему же шлюшка? – обиделся я за Катю. – Хорошая

девчонка.

Игорь сплюнул.

– И получше есть. Сначала глазки строила, а всё потому, что я захотел с ней познакомиться. Кольцо в воду упало – сразу продинамила. «Извини, мы здесь своей компанией, и вообще ты не в моём вкусе», – передразнил он, кривляясь. – Сучка.

Мне очень хотелось узнать побольше про кольцо, но Макаркин задумался и шёл молча до самого дома, а я боялся обнаружить заинтересованность.

Мы пробрались во времянку и, не зажигая света, повалились на кровати прямо в одежде. Ноги гудели, кожу стянуло от соли, но идти мыться было лень. Вот немного полежу и...

– Короче, Глеб, я не поеду домой, – вдруг сказал Игорь, – поживу у тётки, она только рада будет. Затаюсь здесь, подожду... вдруг перстень найдётся. Город я Николаю не говорил... кажется. Не говорил ведь?

– Вроде бы нет... не слышал.

Я подумал, что ничего другого приятелю не остаётся. Заказчик будет рвать и метать, но Макаркина не найдёт, не должен, во всяком случае. Завтра поеду домой один, только прежде откопаю перстень старухи Мельниковой.

Мне не спалось, время тянулось мучительно медленно. В голову втемяшилась мысль, что я недостаточно хорошо прикопал перстень, что любой человек сможет найти его, поддев ногой песок. Надо было хоть камень привалить...

Я оделся в темноте и тихо выбрался из дома. Шёл быстрым шагом и через двадцать минут очутился возле высокого забора, который огораживал весь пляж по периметру. Ещё раньше я слышал, что кое-где в ограде есть лазы: местная молодёжь не могла смириться с платой за вход и таким образом боролась с несправедливостью.

Искать проход в темноте оказалось делом непростым. Я медленно шёл вдоль забора, ощупывая толстые монолитные прутья, и скоро понял, что можно кружить сутками, а лаза так и не найти. Да и существует ли он? Сплюнул и шёпотом выругался. Из упрямства, не желая сдаваться сразу, прошёл ещё метров двадцать и почти наткнулся на какого-то мужика, сидящего с пивной бутылкой прямо на земле.

– Простите, – пробормотал я, отступая.

– Дыру ищешь? – спросил человек. – Могу показать за двести рублей, плескайся сколько влезет. Ты один?

– Один.

– Зря. Ночью лучше всего купаться с девкой.

У меня в кармане джинсов завалялась какая-то мелочь и лежали свёрнутые сто пятьдесят рублей – сдача от покупки дыни. Я порадовался, что не спрятал деньги в рюкзак.

– Нету двести, только сто пятьдесят и мелочь.

– Пойдёт!

Человек отшвырнул пустую бутылку в кусты, сгрёб купюры с монетами и быстро зашагал вдоль ограды, я едва поспевал за ним.

– Майку сними, – чуть обернувшись, сказал мой провожатый, – сияешь в белом, как светляк... охранники заметят. Они, правда, из будки не высовываются, но лучше сними.

Я послушался. Метров через пятьдесят он остановился, буркнул: «Здесь», взялся за толстый прут и, поднатужившись, вытащил его: прут оказался отпилен, а не потому, что мужик был силачом.

– Полезай, – разрешил провожатый, – назад сам выбе-
решься. Место запомни, оно приметное.

Я положил на бетонный цоколь свёрнутую майку в качестве метки и двинулся в сторону озера, где мы с Макаркиным провели день. Солёнка сейчас была непривычно тиха, озеро блестело как зеркало, и лунная дорожка серебрилась на водной глади. Прав тот мужик: ночами надо купаться не иначе как с нагими прекрасными девушками.

Кольцо я разыскал с четвёртой или пятой попытки, перерыв песок возле кустов и успев испугаться до дрожи. Но вот пальцы нащупали перстень. Наконец-то! Сдул с него пыль и засунул в карман джинсов. Надевать не стал – побоялся.

Я вскочил с кровати, в одних трусах вышел во двор и закрылся в тесной кабинке летнего душа. Холодная вода взбодрила, прогнала остатки сна.

Игорь ещё спал, смешно похрапывая. Я слегка потряс его

за плечо.

– А? Ты чего? – Макаркин сел в постели, сонный, с заплавленными глазами.

– Я уже домой собрался, чтобы не по жаре ехать.

– А тебе не всё ли равно с кондиционером? – зевнул Игорь. – Не торопись, тётя Надя без завтрака не отпустит.

– Не надо, не буди её. Я уже машину выгнал.

Он натянул майку с шортами, и мы вышли во двор. Обнялись.

– Счастливо тебе, – сказал Макаркин. – Я со своего номера звонить не буду, новую симку куплю.

– Понял. Не пропадай!

Я сел в машину, завёл мотор, стараясь не смотреть на приятеля. Он плохо выглядел: лицо бледное, с тёмными подглазьями, уголки рта опущены, как у старика.

– Игорь!

– Что?

– Если найдёшь кольцо, отдашь Николаю?

Артефакт лежал в кармашке рюкзака, куда я переложил его ночью. И если бы Игорь сказал, что да, конечно отдам, я бы вернул перстень. Честно. Но он невесело усмехнулся и проворчал: «Обойдётся...» Значит, пусть и дальше лежит кольцо в рюкзаке.

– Счастливо, буду сам звонить. – повторил Макаркин. Махнул рукой и закрыл ворота.

... Часа два или три я гнал без остановки и, казалось, чув-

ствовал облегчение, точно с каждым километром оставлял позади не только Берёзовку, но и всё пережитое. Как будто ничто не связывало меня с кладбищем и раскопанной могилой Клавдии Мельниковой... ничто, кроме перстня.

В животе заурчало: желудок настойчиво требовал еды. Я выбрал дорожное кафе с террасой, возле которого стояло несколько большегрузных машин.

«Дальнобойщики где попало не обедают, – всегда говорил отец, – если возле кафе стоят фуры, значит, там кормят вкусно и недорого». Когда нам приходилось ездить в другие города, он пользовался этим правилом и не ошибался. Отец вообще любил поесть в кафешках, заказывал салат, первое и второе, несколько кусков хлеба, компот и какой-нибудь пирожок придачу или запеканку.

Я пристроил «пежо» на небольшой парковке и занял свободный столик на террасе. Просмотрел меню, умещавшееся на одном листе, заказал овощное рагу с мясом и порцию блинчиков со сметаной. Поискал в кармане рюкзака деньги, нащупал перстень и достал его.

Что с ним делать, я совершенно не представлял. Зачем так нужен Николаю этот артефакт, почему Игорь не хотел расставаться с ним? Сила, власть... Да не хочу я ни того ни другого. Сила перстня была непонятна, она пугала, и при других обстоятельствах я выкинул бы кольцо с моста в реку. Можно, конечно, вернуть родственникам Клавдии Мельниковой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.